

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ

Волчок

Александра Никитична Анненская
Волчонок (сборник)
Серия «Книги на все времена (Энас)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11624630
Волчонок. Повести: ЭНАС-КНИГА; Москва; 2012
ISBN 978-5-91921-027-6

Аннотация

В книгу включены два произведения известной русской писательницы конца XIX – начала XX века Александры Никитичны Анненской.

Первая повесть называется «Волчонок» – это прозвище главного героя. Нелюдимый мальчик-сирота самостоятельно прокладывает себе дорогу в будущее и исполняет свою мечту – становится врачом.

Название второй повести – «Неудачник» – тоже прозвище: так родители и сестры называют болезненного мальчика, не приспособленного ни к тяжелому крестьянскому труду, ни к работе в магазине нечистого на руку родственника. Тем не менее Петя находит свое место в жизни.

Содержание

Предисловие от издательства	4
Волчонок	6
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Никитична Анненская

Волчонок

Повести

Предисловие от издательства

Имя Александры Никитичны Анненской (1840–1915) сегодня почти забыто, а между тем в конце XIX – начале XX века ее повести и рассказы пользовались широкой известностью.

А. Н. Анненская родилась в помещичьей семье под Великими Луками. Девочка рано лишилась отца и в одиннадцать лет вместе с матерью, младшей сестрой и братом переехала в Петербург. Там она окончила пансион, в шестнадцать лет сдала в Петербургском университете экзамен на звание домашней учительницы и два года проработала в одной из народных воскресных школ.

Анненская писала повести для детей: «Чужой хлеб», «Находка», «Сильный мальчик», «Товарищи», «Детство Чарльза Диккенса» и др. Они печатались в журнале «Семья и школа» в начале 1870-х годов.

В 1880-е годы некоторые ее произведения вышли отдельными изданиями – «Анна», «Брат и сестра», «Мои две племянницы», «Зимние вечера» и др. Анненская также перевела и пересказала для детей книги зарубежных писателей: «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Маленький оборвыш» Дж. Гринвуда, «Робинзон Крузо» Д. Дефо.

Кроме того, Александра Никитична написала биографии Н. В. Гоголя, Ч. Диккенса, Ж. Санд, Ф. Рабле и О. Бальзака, а также очерки о Дж. Вашингтоне, Ф. Нансене и М. Фарадее.

Сегодня мы представляем читателю книгу, в которую вошли два малоизвестных произведения писательницы.

Нелюдимый сирота, герой повести «Волчонок», проходит тяжелые жизненные испытания и по примеру единственного человека, который хорошо к нему относился, становится врачом.

«Неудачник» рассказывает о слабеньком и застенчивом мальчике, которого даже его семья считает ни к чему не способным. После долгих мытарств Петя находит свое призвание, став учителем в приюте для слепых детей.

Волчонок

Глава I

Наступала весна. Мартовское солнце ярко светит и заметно согревает. Под его живительными лучами снег быстро тает и потоками льется через водосточные трубы на тротуары. На солнечной стороне улицы мокро, но зато тепло, светло, весело; в тени зима еще упорно держится, снег почти не тает, резкий ветер заставляет людей плотнее кутаться в теплые одежды. Холодно и мрачно в тех закоулках, куда не проникает луч солнца, где приближение весны чувствуется только потому, что зимняя стужа сменяется сыростью...

В одном из таких забытых солнцем закоулков, в подвале большого пятиэтажного дома, окружавшего своими громадными флигелями крошечный дворик, сидел, сгорбившись над работой, человек, который, по-видимому, сильно нуждался в живительном луче тепла и света. Мертвенно-бледный, с истомленным лицом и красными воспаленными глазами, он с лихорадочной поспешностью нашивал бантики и пуговицы на щегольские дамские ботинки. С полдюжины таких же ботинок разных размеров и фасонов, расставленных на большом почерневшем от времени столе, и множество деревянных колодок, валявшихся в углу комнаты вместе с обрезками подошвы, кожи и прюнели¹, ясно показывали, что это был башмачник, а бедная обстановка его сырой, мрачной, низкой комнаты и разноцветные заплатки, покрывавшие одежду его, говорили о плохих заработках, о суровой нужде.

Несмотря на торопливость, с какой бедняк действовал иглой, ему по временам приходилось прерывать работу: удушливый кашель мучил его, он хватался рукой за грудь, и красные пятна выступали на его впалых щеках.

– Ишь ты, как замучился, Павлуша, – раздался из глубины комнаты голос женщины. – Хоть бы отдохнул, право, совсем изведешься!

– Отдохнуть! Закончу, так отдохну, – хмуро отвечал башмачник. – Сама знаешь, сегодня надо работу нести, так чего там: «отдохни!»

– Можно и завтра снести работу; беда не велика, что один день просрочишь, – возразила женщина, – хозяин, кажись, добрый – придеешь, поклонись, авось, не взыщет с больного человека.

– Еще кланяться! Очень нужно! – проворчал башмачник.

Новый припадок кашля прервал слова его.

Авдотья, так звали женщину, знала, что спорить с братом бесполезно; она махнула на него рукой и вернулась к своему занятию – мытью в корыте каких-то лохмотьев, составлявших все белье семьи.

Дверь скрипнула; в комнату вошел маленький человек, неся в руках кусок хлеба, бутылку квасу и пару селедок. Мы говорим «маленький человек», а не «мальчик» – потому что в этом крошечном существе не было, по-видимому, ничего детского: одет он был в большие сапоги, в длинный, чуть не до пят, балахон, в огромную закрывавшую уши шапку, и взгляд его сереньких глазок был не по летам серьезен.

– Принес, тетенька! – проговорил он, опуская свою ношу на деревянный табурет возле печки и освобождаясь от шапки, видимо, тяготившей его.

– Принес, Илюша? Ну и ладно! – добродушно отозвалась Авдотья. – Сейчас у меня обед будет готов, картошка уже сварилась.

Через несколько минут вся семья сидела за обедом, состоявшим из вареного картофеля с селедкой да из хлеба с квасом. Авдотья ела быстро и почти все время говорила, хотя никто не отвечал ей. Илюша чинно, не торопясь, проглатывал кусок за куском и сосредоточил все

¹ Прюнэль – плотная шерстяная или шелковая ткань; используется для изготовления верха обуви.

свое внимание на этом приятном деле. Павел почти не дотрагивался до пищи: ему сильно нездоровилось, он едва сидел.

– Вот и посуду не буду мыть, – говорила Авдотья, – надо скорей бежать к Шустовым: у них сегодня много гостей, ужин, велели прийти кухарке помогать.

– А где они живут? – спросил Павел.

– На Офицерской, ты разве не помнишь? Мы ведь у кумы Анисьи там в гостях были.

– Не помню. Я думал, не по дороге ли тебе в Гостиный двор. Я работу кончил, а нести не могу, совсем разломило.

– Ах ты напасть! – всплеснула руками Авдотья. – Как тут быть? Кабы не такой случай, я бы сходила, мне что! Да нельзя: господа хорошие, Шустовы-то, заплатят, да и куме надо услужить! Или, может, не ходить? Твою работу снести?...

– Илья снесет! – коротко отозвался башмачник, которого, видимо, раздражала болтливость сестры.

– Снесу, – проговорил мальчик, дожевывая последний кусок хлеба.

Башмачник связал в большую тряпку с десяток пар оконченных ботинок.

– Ты знаешь дорогу? Помнишь магазин? – обратился он к сыну.

– Знаю, – отвечал тот, снова нахлобучивая свою огромную шапку.

– Отдашь работу, получи шесть рублей, слышишь, непременно шесть! Назад пойдешь, купи восьмушку чаю, фунт сахару да косушку водки, понял?

Мальчик вместо ответа кивнул головой, отчего шапка сдвинулась ему на глаза, взял в руки узел и твердой, неторопливой походкой вышел из комнаты.

– Деньги-то, Илюша, получи! Да не потеряй! Спрячь за пазуху да рукой придерживай! Смотри, голубчик, не потеряй! Да дорогу-то ты хорошо ли знаешь? – кричала ему вслед тетка, но он не счел нужным остановиться и ответить ей.

Ходить по улицам Петербурга с довольно тяжелыми ношами, получать, платить деньги, делать покупки – все это было не новостью для Илюши. Хотя ему еще не было девяти лет, но он уже давно принимал участие в трудах взрослых, в их стараниях заработать кусок хлеба. Мало того: для него, можно сказать, совсем не существовало того беззаботного детства, когда ребенок не знает, на что нужны деньги, когда он думает, что стоит попросить папу – и все, чего хочется, явится.

Будучи двух лет, он вечером встречал мать, ходившую на поденную работу, вопросом: «Ну, сто, полусила деньги?» Трех лет, он при виде своей новорожденной сестрицы серьезно заметил отцу: «Зачем она нам? Чем мы ее кормить будем?» Пяти лет, он знал все окрестные лавки, умел делать все мелкие хозяйственные покупки и в случае надобности выпросить у лавочника в долг фунт хлеба, сальную свечку, несколько кусков сахару.

Отец его был, как мы видели, трудолюбивый и даже искусный башмачник, но человек очень слабого здоровья. Жена его тоже не прочь была трудиться, чтобы поддерживать семью, но, несмотря на все усилия, им никак не удавалось выбиться из бедности. Каждый год у них рождались дети; все они, кроме Илюши, жили год, два и умирали после более или менее продолжительной болезни. Эти болезни и затем похороны стоили денег; уход за несчастными малютками отнимал у матери и время, и силы, а тут еще каждую весну и осень Павел схватывал простуду и хворал по нескольку недель. Бедная женщина не могла долго выносить такой тяжелой жизни и за год до начала нашего рассказа умерла, оставив мужу, кроме Илюши, еще маленькую двухнедельную дочку.

Павел совсем растерялся, оставшись без жены с двумя детьми. К счастью, на помощь ему явилась сестра его, словоохотливая, суетливая Авдотья. Она оставила место кухарки, которое занимала до тех пор, и согласилась жить с братом, чтобы нянчить его малютку и исполнять все несложные работы его бедного хозяйства. Через полгода малютка умерла, но Павел был так слаб и хил, что добрая Авдотья не решалась оставить его.

– Совсем он ледащий² человек, – говорила она своим кумушкам, распивая с ними кофе, – один день работает, а два лежит; я его и горяченьким накормлю, и одежду ему справлю, и белье помою. Без меня он совсем пропадет!

Павел чувствовал, как великодушно поступает сестра, отказываясь ради него от сытой жизни в барском доме; он чувствовал, как много добра делает она и ему, и его ребенку. Словами он никогда не благодарил ее: он был человек молчаливый, скрытный, но он напрягал все свои силы, чтобы как можно больше зарабатывать и тем избавить ее от слишком больших лишений, доставить ей сколько-нибудь довольства. Заработок его, действительно, увеличивался, но вместе с тем здоровье его все более ослабевало.

Страшная, неумолимая болезнь подтачивала его силы; доктор, к которому он, по совету сестры, обратился за лекарством от кашля, послушав его грудь, заметил по-немецки своему помощнику: «Дурак, пришел лечить кашель, а у него чахотка в последнем градусе, до лета не протянет». Он имел деликатность не перевести эту фразу больному, а просто прописал ему какое-то успокоительное лекарство и пообещал, что «когда наступит тепло, все пройдет». И бедный больной, задыхаясь от кашля, дрожа от лихорадки, мечтал, что скоро выздоровеет, что ему удастся получить заказы еще в одном магазине, что он возьмет себе в помощники мальчика, да Илюшу понемногу будет приучать к работе, и заживут они отлично: Авдотья он купит шерстяное платье, всякий день будут чай пить, возьмут квартиру получше...

Отослав Илюшу с заказом и оставшись один в комнате, он утешал себя теми же мечтами, хотя болезнь давала себя чувствовать сильнее, чем когда-нибудь: он ослабел до того, что не мог подняться с постели напиться, а между тем его мучила жажда, и внутри все как-то горело и болело.

Возвратясь домой с деньгами и покупками, Илюша увидел, что отец совсем болен. Он не испугался и не расплакался, как сделали бы многие дети его возраста. Видеть больных и даже ухаживать за ними было для него не в диковину. Он сходил к соседям, достал кипятку, умелой рукой заварил чай, напоил отца, сам с удовольствием выпил две большие чашки, затем, пододвинув свой тощий матрасик к постели больного, сказал:

– Тятка, я спать лягу; коли тебе понадобится что, ты меня разбуди, – и через несколько минут заснул спокойным сном, не забыв перед тем погасить маленькую керосиновую лампочку, «чтобы даром не горела».

С этого дня Павел уже не вставал с постели. Авдотья сразу поняла, что он «не жилец на этом свете», и пожалела отвозить его в больницу. «Пусть хоть умрет в своем углу да спокойно», – говорила она соседкам, приходившим навещать ее. А он, в редкие минуты сознания, продолжал мечтать о новой квартире, о новых заработках; мысль о смерти ни разу не приходила ему в голову. И умер он с этими мечтами – тихо, спокойно...

Бедным людям некогда долго оплакивать своих покойников. Похоронив брата, Авдотья немедленно принялась продавать все небольшое имущество покойного, чтобы выручить деньги, истраченные на похороны, и в то же время обдумывала, как лучше устроить судьбу свою и маленького племянника, оставшегося на ее попечении. Жить на квартире и заниматься поденной работой казалось ей невыгодно; она решилась опять взять место кухарки, но с тем, чтобы ей позволили держать мальчика при себе, пока он не подрастет настолько, что его можно будет отдать в ученье к какому-нибудь мастеру.

Илюша был сильно поражен смертью отца. На своем коротком веку он видал уже много смертей; но когда умирали его маленькие братцы или сестрицы, он почти нисколько не жалел о них: это все были такие маленькие, беспокойные, плаксивые существа, не дававшие ему спать по ночам и надоедавшие ему днем своим криком. Когда умерла мать, он был огорчен, но последние месяцы своей жизни она была очень раздражительна, часто бранила и даже

² *Ледáщий* – плохой, дрянной, негодный.

била его, а взамен ее явилась тетка Авдотья – такая добрая, веселая и ласковая, что он скоро забыл о своей матери. И теперь, пока тело отца стояло в комнате, он относился довольно спокойно ко всему происходившему, даже не заплакал, прощаясь с покойником, чем привел в сильное негодование двух-трех соседей.

– Ишь, болван бесчувственный, – толковали они, – и не плачет!

Только вернувшись с похорон в свою комнату, мальчик почувствовал, что лишился чего-то дорогого, незаменимого. Смутное сознание сиротства и одиночества вдруг охватило его; он забился в угол и растерянно оглядывался кругом, точно каждая вещь этой бедной комнатки не была давным-давно известна ему.

В эту минуту дверь с шумом растворилась, вошла Авдотья в сопровождении нескольких соседей и соседок, которым она продала убогую меблировку комнаты. Накануне она до изнеможения торговалась за всякий табурет, за всякую деревянную ложку, теперь все переговоры были уже кончены, даже деньги получены, и новые владельцы спешили унести к себе вещи. Илюша, неподвижно стоя в своем углу, видел, как постепенно исчезала посуда, праздничное платье отца, его постель, скамейки, стул... Комната все больше и больше пустела, а вместе с тем росло и тяжелое чувство мальчика. Вот уже все вынесено, остался только большой рабочий стол Павла. Двое мастеровых подошли к нему, взяли его за оба конца и собирались вынести вслед за остальным.

Илюша не мог дольше терпеть; он подскочил к столу, ухватился за край его и сердитым голосом закричал:

– Не трогайте! Это тяткин стол!

Мастеровые сначала удивились, а потом рассмеялись.

– Был тяткин, а теперь мой стал, – заметил один из них, – твоему тятке, небось, теперь столов не нужно! Пусти-ка, мальчик!

– Не дам, не пущу! – кричал Илюша.

Он лег грудью на стол и обхватил его обеими руками.

– Что это ты, Илюша? – засуетилась Авдотья, подоспевшая на шум. – Пусти стол, Степан Иванович купил его, и деньги мне вчера заплатил, нам с тобой этот стол не нужен, у нас будут столы; пусти, пусти, батюшка, не задерживай!

Не слушая увещаний тетки, мальчик продолжал держаться за стол, упорно повторяя: «Тяткин стол, не отдам!»

Мастеровые силой оттащили его и поспешно унесли стол, пока Авдотья и соседки удерживали мальчика и наперерыв объясняли ему, зачем и кому проданы все вещи. Мальчик не слушал никаких объяснений: он сознавал одно: что кругом его что-то опустело, что-то исчезло, что-то кончено. Ему было и жаль, и страшно, и досадно на окружающих людей, точно они были виноваты в том тяжелом чувстве, какое он испытывал.

– Ну вот, все вынесли, – заметила Авдотья, когда стол был благополучно выпровожен из комнаты. – Все вынесено, – повторила она. – Пойдем, Илюша, к Аграфене Петровне: она нам даст у себя угол пока, и блингов у нее поедим, помянем покойника, пойдем.

– Не хочу! Не пойду! – закричал мальчик. Он вырвался от тетки, забился в угол комнаты и исподлобья, сердитыми глазами смотрел на присутствовавших.

– Ишь зверь какой, прости Господи! – заметила одна из соседок. – И чего это он?... Прощаясь с отцом, не плакал, а тут – на, стола дрянного пожалел...

– Что с ним поделаешь: известно, дитё неразумное! – добродушно заметила Авдотья.

Женщины пошли к Аграфене Петровне, чтобы помянуть за блинами покойного, а Илюша остался один в пустой комнате. Долго стоял он в углу, и все те же чувства тяжелым камнем давили его маленькое сердце. Ни тогда, ни после не мог бы он сказать, о чем думал все это время, отчего не шел он к тетке, к людям. Он не рыдал, не плакал, но у него было очень горько на душе, и не хотелось ему показывать этого горя другим...

Уже почти вечером пришел он в комнату старой торговки Аграфены Петровны, предложившей Авдотье с мальчиком пожить у нее до приискания места. Авдотья встретила его, по своему обыкновению, ласково и тотчас же пододвинула целую тарелку блинов. Илюша молча сел, молча прислушивался к нескончаемой болтовне двух кумушек, а на сердце его было все так же тяжело...

Глава II

У Авдотьи было много знакомых среди прислуги; те господа, у которых она работала поденно, пока жила с братом, знали ее за женщину честную и трудолюбивую. Ей нетрудно было бы найти себе хорошее место, если бы она была одна, без ребенка; с мальчиком же многие не хотели брать ее к себе. День проходил за днем, а она все жила в углу у Аграфены Петровны, возбуждая сожаление всех соседок.

– Вот уж навязала ты себе обузу, Авдотьюшка, – толковали кумушки. – Был бы свой ребенок, а то с чужим возись!..

– Что делать, – вздыхала Авдотья, – не бросить же мальчишку, ведь не чужой он мне – родного брата сын! Конечно, без него я давно бы пристроилась... Вон, у генеральши Прокудиной десять рублей дают кухарке, и меня бы с радостью взяли, кабы не он...

Илюша слышал эти разговоры, и досадно, и обидно было ему. Пока жив был отец, мальчику никогда не приходило в голову, что он может быть в тягость взрослым; он рано начал исполнять разные мелкие домашние работы и таким образом почти зарабатывал свое скудное пропитание. А теперь оказывается, что он никому не нужен, что из-за него тетка терпит лишения, что он мешает ей устроиться...

– Ищи себе место без меня, – говорил он ей, слыша ее жалобы, – зачем тебе меня брать? Я один буду жить!

– Эх, ты, дурачок, – добродушно отвечала Авдотья, – разве ребенку одному можно жить? Подожди, найду место и с тобой!

Илюша пытался доказывать, что этого не нужно, что он может отлично жить один, то зарабатывая копеечку-другую, то выпрашивая милостыню; но все присутствовавшие смеялись над ним, называли его дураком, мальчишкой, и ему приходилось молча хмуриться, составляя втихомолку разные планы самостоятельной жизни.

Наконец, недели через три напрасных поисков Авдотья вернулась домой сияющая, довольная.

– Ну, слава тебе Господи, нанялась, – объявила она. – И с мальчиком берут, завтра приходят велели! Надо тебе, Илюша, хорошенько вымыться да почище одеться! Пожалуйста, ты веди себя умненько, будь тих, почитай хозяев, а то из-за тебя и меня прогонят!

Илюша, по своему обыкновению, молча выслушал наставление тетки, но в душе вовсе не разделял ее радости: жизнь в доме незнакомых хозяев, при которых надобно вести себя не обыкновенно, а как-то особенно, нисколько не манила его.

На другой день с раннего утра Авдотья принялась приводить своего племянника в порядок. Она до того мыла и терла его, что уши его разгорелись, как на морозе, щеки покраснелись и все лицо начало лосниться, точно намазанное маслом. С волосами мальчика тетке пришлось возиться очень долго: упрямые вихры его все торчали кверху и никак не хотели понять, что им всегда следует смиренно склоняться вниз. Наконец только с помощью кваса их удалось пригладить.

Вся эта операция была, конечно, очень неприятна Илюше. Новая, сильно шуршавшая ситцевая рубашка и отлично вычищенные, хотя и с заплатками, сапоги не развеселили его, и он поплелся за теткой «к хозяевам» в самом унылом расположении духа. Всю дорогу Авдотья толковала ему о том, как он должен быть почтителен и покорен со всеми живущими в доме, где она будет служить, и напугала мальчика до того, что, придя туда, он не смел поднять глаз, не смел шевельнуться. Он не видел, на самом ли деле так богата квартира господ, как рассказывала тетка, не видел, доброе или злое лицо у барыни, к которой привела его Авдотья.

Первые минуты он даже не слышал и не понимал ничего, что его тетка говорила с этой барыней, но потом понемногу сообразил, что речь шла о нем.

– У меня кухня большая, – говорила госпожа Гвоздева, – место ему будет; только уж ты смотри, Авдотьюшка, чтобы он не шалил, дурачеств никаких себе не позволял, и в комнаты его не пускай. Может, он у тебя и недурной мальчик, но я своим детям не позволяю играть с простыми детьми.

«Ишь, какая! – подумал Илюша. – Не позволяет своим детям со мной играть, да я, может, и сам-то не захочу играть с ними!»

Илюша исподлобья взглянул на барыню, и, должно быть, взгляд его был не очень дружелюбен.

Он исподлобья взглянул на барыню, и, должно быть, взгляд его был не очень дружелюбен, так как барыня заметила:

– Как он сердито глядит! И исподлобья!.. Это дурной признак! Он у тебя, верно, злой, упрямый?

– Ах, нет, сударыня, как можно, – поспешила возразить Авдотья. – Он добрый мальчик, только, известно, боязно ему перед вами... Илюша, поцелуй ручку у барыни, скажи, что постарайся заслужить ее милость!

Илюша с недоумением посмотрел на тетку и не двинулся с места. Церемония «целования ручки» была совершенно ему неизвестна, и он не чувствовал ни малейшего желания проделывать ее.

Барыне, уже протянувшей было «ручку», пришлось убрать ее обратно, а Авдотья поспешила оправдать племянника его дикостью, глупостью, неумением обращаться с господами.

– Нет, он, должно быть, недобрый мальчик, – заметила барыня, – ишь каким волчонком глядит! Как есть волчонок!

Название «волчонок», случайно данное барыней Илюше, оказалось до того подходящим к нему, что вскоре никто в доме иначе не называл его. Он не понравился никому у Гвоздевых; все, как и барыня, сразу решили, что он угрюмый, сердитый, злой мальчик.

А между тем Илюша был далеко не зол, только очень уж не по сердцу пришлась ему жизнь в чужом доме. Конечно, просторная, светлая кухня, на стенах которой блестели полки с медной посудой, была несравненно красивее того полутемного, сырого подвала, где он жил с отцом; конечно, остатки кушаний, которые позволяли ему съедать с господских тарелок, были гораздо вкуснее его прежней пищи – картофельной похлебки и гречневой каши, – но зато там, в этом мрачном подвале, за этим скудным обедом, он был член семьи, он понимал семейные горести и радости, он сочувствовал им, он знал, что отец с матерью не пожалеют поделиться с ним последним куском хлеба, и сам, по мере сил, старался помогать им в их трудах, а когда сил не хватало, то хоть мечтал о том, что поможет им впоследствии, когда вырастет.

– Спи, Илюша, – говорила, бывало, мать, укладывая его спать, – а я тебе к празднику рубашку новую сошью, розовую, красивую!

– А себе, мамка, сошьешь? – спрашивал ребенок.

– Нет, родимый, я и в старом похожу. Вот уж вырастешь ты большой, тогда купишь мне нарядов, а теперь и так хорошо.

– Накуплю, – уверенным голосом говорил Илюша и засыпал, мечтая о тех красивых платьях, какие он подарит матери, как только подрастет.

– Вот еще годка два-три промаяться, тогда Илью присажу за работу, так легче будет! – вздыхал Павел, принимаясь за новую спешную работу.

И Илюша с гордостью думал, как он станет шить сапоги вместе с отцом, как много денег заработают они вдвоем...

Под сердитую руку отец и даже мать частенько били его; мальчик плакал от боли, но нисколько не чувствовал себя оскорбленным: отец бил всегда за дело, за какую-нибудь шалость, за небрежность, за рассеянность, и Илюша чувствовал, что заслужил наказание и что при старании может избежать его. Мать часто была просто потому, что была утомлена непосильной работой, раздражена писком детей и хотела на ком-нибудь сорвать сердце. Побивши мальчика, она сейчас же начинала жалеть его, сейчас же старалась загладить свою несправедливость или лаской, или лишним кусочком съестного, и при этом сама она была всегда такая жалкая, бледная, истомленная, что нельзя было сердиться на нее.

В чужом доме Илюша был сыт, не терпел ни холода, ни побоев; но он как-то сразу почувствовал, что здесь он чужой, лишний, никому не нужный.

– Вот навязали вы себе обузу, – замечали Авдотье ее знакомые кухарки и горничные, – без мальчишки на всяком месте дали бы вам восемь, девять рублей, а теперь должны жить за шесть.

– Ну, что делать, не бросить же ребенка! – вздыхала Авдотья, и казалось, как будто ей отчасти жаль, что детей нельзя выбрасывать на улицу вместе с сором.

– Ну, чего ты суешься под ноги? – ворчал лакей, выталкивая Илюшу из того уголка, куда он забился, чтобы никому не мешать.

– Фу ты Господи, присесть никуда нельзя, везде мальчишка свои вещи накидал, – кричала горничная, сбрасывая со стула шапку, которую Илюша только что успел на него положить.

Иногда, от нечего делать, лакеи и горничные принимались дразнить мальчика и строить над ним разные штуки.

– Илюшка, – говорил лакей, – на, съешь сладкий пирожок!

Мальчик откусывал большой кусок пирога, а он оказывался весь обмазан горчицей; Илюша плевался, плакал, бранился, а вся кухонная компания помирала со смеху.

– Слушай ты, волчонок, – говорила горничная, – барыня зовет тебя, иди скорей; да ну же, скорей!

С сильно бьющимся сердцем шел мальчик в комнаты, вход в которые был ему запрещен, и робкими шагами подходил к барыне.

– Что ты тут шляешься, мальчишка! – кричала она на него. – Тебе здесь не место, иди в кухню!

И опять громкий, дружный смех прислуги встречал ребенка, когда он, униженный, пристыженный, возвращался в кухню.

Можно себе представить, как раздражали мальчика подобные выходки! Он готов был избить своих обидчиков, а между тем чувствовал, как мал и бессилён был он по сравнению с ними! Особенно оскорбляло его отношение тетки к его неприятностям. Она как-то не понимала, что насмешки могут оскорблять ребенка; она смеялась вместе с другими и только иногда добродушным голосом замечала какому-нибудь слишком расхажившемуся лакею:

– Полно вам, Федот Матвеевич, ну, что вы пристали к ребенку? Известно, он глуп, где же ему что понимать!

Илюше же она делала строгие выговоры, когда он бранился или злился на кого-нибудь.

– Дурак ты, дурак, – говорила она, – с тобой шутят, смеются, а ты сердишься! Рад бы был, что не бьют, вон не гонят, а он, на-ка, еще обижаться! Какой важный барин!..

– Да я не хочу, чтобы они надо мной смеялись, ты им не вели! – угрюмо отвечал Илюша.

– Как же я могу не велеть им, – рассуждала Авдотья, – разве они меня послушаются? И неужели мне из-за тебя ссориться с ними? Как это можно! Я ссор не люблю, хочу со всеми жить в мире... И ты, коли умен, так старайся всем угождать: они смеются – и ты смейся; бранят тебя, а ты молчи; коли и побьют, так не беда: поплачь в уголке, чтобы никто не видал, а в глаза всем гляди весело, – вот и будет тебе хорошо!

Илюша умолкал и уходил от тетки, но чувствовал, что не в состоянии исполнить ее наставлений. Не обижаться, когда его оскорбляют, смотреть весело в глаза и угождать тем, кто бранит и бьет, – это было свыше сил его. Он понимал, что с большими ему не справиться, так как они сильнее его, но он все-таки не мог не злиться на них, и все угрюмее и угрюмее становилось его маленькое личико, все больше привыкал он хмурить лоб и глядеть исподлобья, все больше походил он на маленького, сердитого волчонка...

«Ишь, что выдумала! – рассуждал он сам с собой. – Поплачь потихоньку, а гляди при всех весело... Да разве это можно? Это только большие умеют, и как они это делают?..»

И мальчик из своего уголка наблюдал, как большие умели хорошо притворяться. За глаза все они бранили друг друга, а в глаза казались первейшими друзьями. Все находили, что барин скуп, а барыня зла и капризна, но все наперерыв старались угождать и барину, и барыне, все в глаза называли их добрыми, обещали в точности исполнять все их приказания, а придя в кухню, смеялись над этими приказаниями.

– Тетка, а тетка, – спрашивал Илюша, – ты зачем же сказала барыне, что делала вчера соус, как она велела? Ведь ты не так делала...

– Ну, что ж, что не так? Кабы я по-ейному сделала, вышла бы гадость, сама бы она раскричалась да разворчалась, а я сделала по-своему – вот и хорошо...

– Так зачем же ты ей так не сказала? Ты, значит, ее обманула?

– Обманула! Эка редкость – что обманула! Без обмана на свете не проживешь! Ты еще мал, не понимаешь этого; ужо подрастешь, поймешь.

– А тятка говорил, не надо обманывать!

– Ну, что твой тятка! Много он без обмана-то нажил? Сам на работе надорвался, да и тебя нищим оставил!

Илюша помнил, как тяжела была жизнь его семьи, и все-таки его тянуло назад к этой жизни, и когда среди веселой болтовни и сплетен кухонной компании ему представлялся в воображении угрюмый, молчаливый, неласковый отец, он чувствовал, что с радостью пошел бы за ним, оставив добродушную, словоохотливую тетку, что приказания отца легче и приятнее было бы слушать, чем ее наставления.

Глава III

Помня строгое запрещение барыни, Илюша все время проводил в кухне или в людской и не ходил в комнаты. Он даже плохо знал, из кого именно состоит семейство его хозяев. Барыню он видал несколько раз, и всякий раз ее суровый, гордый вид пугал его. Иногда в кухню забегали два мальчика его лет или немножко постарше – резвые, шаловливые. Они кричали на прислугу, топали ногами, если приказания их не скоро исполнялись, и старший из них один раз даже ударил по лицу горничную, которая хотела отвести его от горячего самовара.

Мельком видал Илюша барина; знал он из рассказов прислуги, что этот барин иногда очень добр, готов отдать все понравившемуся человеку, а иногда до того сердит, что все в доме дрожат перед ним; знал, что, кроме мальчиков, у господ есть еще дочка – некрасивая, болезненная, нелюбимая матерью девочка; что для присмотра за детьми нанимают гувернанток; и что гувернантки эти беспрестанно меняются.

– Мамзель-то опять уходит, – не раз говорили при нем в кухне. – Еще бы, кто у нас уживется! Такие балованные дети, такие озорники, что страсть!

Знал Илюша, что этим озорникам очень часто покупают разные необыкновенно хорошие вещи, вроде громадных деревянных лошадей, слонов, ворочающих хоботами, солдатиков с палатками и пушками. Иногда, когда он слышал рассказы обо всех этих диковинках, у него являлось сильное желание пробраться в детскую и хоть одним глазком взглянуть на них, но тут рождалась мысль: «А что как прогонят, обругают?» – и он не поддавался искушению.

Настало лето. Семейство Гвоздевых переехало на свою дачу в окрестностях Петербурга. Илюша вместе со всей прислугой перебрался туда же. В первый раз в жизни проводил мальчик лето не в городе, а на свежем воздухе, среди зелени и цветов. На каждом шагу представлялись ему новые, невиданные картины, приводившие его в восторг. Он осторожными шагами ходил по чисто выметенным дорожкам цветника, останавливался перед каждым вновь распускавшимся цветком и любовался им, не смея дотронуться до него рукой, чтобы не испортить. Закинув назад голову и широко раскрыв рот от удивления, следил он за смелым полетом жаворонка в поднебесье, прислушивался к его звонкой песне.

Кормление кур, доение коров, косьба – все это было интересной новостью для ребенка, который всю свою жизнь провел на грязных дворах и в тесных переулках Петербурга. Теперь уже никто из домашних не находил, что он мешает, что он занимает много места.

Утром, пока господа еще спали, он уже бежал в сад; садовник, работавший там, хотел сначала его гнать, боясь, как бы мальчишка что-нибудь не испортил, но потом рассудил, что лучше воспользоваться его любовью к цветам и заставить помогать себе.

Илюша был этому радехонек. Он поливал клумбы, полыл сорную траву, подвязывал цветы, делал все, что приказывал садовник, и часа два-три незаметно пролетало для него в приятной работе.

Как только шторы на окнах хозяйских комнат поднимались и лакей вносил на обтянутый полотном балкон чайный прибор, Илюша спешил убежать из сада: он считал этот сад как бы продолжением барских комнат и боялся, что из сада его прогонят так же, как гнали из комнат. Наскоро перекусив чего-нибудь у тетки, он уходил подальше от дома – в рощу, на луг (полей, засеянных хлебом, вблизи дачи не было), на берег речки, светлые струйки которой так приветливо журчали, так красиво нежились на солнце. Там никто не мешал ему всем любоваться, все разглядывать, валяться на мягкой траве, влезать на деревья. Если какая-нибудь компания дачников показывалась невдалеке, он отходил прочь или прятался.

Встречались ему во время прогулки и мальчишки одних с ним лет – бедно одетые, видимо, не господа. Некоторые из них пытались вступить с ним в разговор, но Илюша сто-

ронился от них, неохотно отвечал на их вопросы и ясно выказывал свое нежелание завязывать с ними знакомство. Дело в том, что в первый же день переезда на дачу мальчик вызвал сильные насмешки своим полным незнанием деревенской жизни.

– Тетенька, глянь какая птичка! Поет она? – спросил он, указывая на пеструю бабочку, усевшуюся на ветке дерева подле самого кухонного окна.

Вся кухонная компания громко расхохоталась; никто не объяснил мальчику, что это было за насекомое; его просто называли дураком, а лакей – большой шутник и остряк – начал рассказывать ему разные небывальщины об этой чудной «птичке».

Эта и подобные ошибки мальчика вызывали постоянные насмешки, которые очень оскорбляли Илюшу, и, чтобы не подвергаться им, он решил никому не поверять своих новых впечатлений, ни у кого ни о чем не спрашивать, а просто смотреть и слушать.

На даче Илюше пришлось познакомиться с маленькими барчатами, которых так оберегали от его общества в городе. Иногда дети вставали раньше обыкновенного и выходили в сад, пока он еще помогал садовнику работать. Мальчики весело бежали по аллее, крича, смеясь, перегоняя и нередко толкая друг друга. Они рвали и ломали цветы, показывали языки сопровождавшей их гувернантке, кричали на садовника, одним словом – вели себя так неприятно, что при первой же встрече с ними Илюша подумал: «Еще она („она“ в его мыслях значило барыня) говорила, чтобы я не смел играть с ними, да я и сам не захочу с ними знаться! Ишь, как смяли всю клумбу!»

Девочка, дочь хозяев, произвела на него совсем другое впечатление: она никогда не принимала участия в шумных играх братьев, а обыкновенно шла тихонько или рядом с гувернанткой, или сзади всех.

«Да она, кажется, совсем не барышня!» – подумал Илюша, увидев ее в первый раз. Барышня, по его понятиям, должна была иметь важный, гордый вид, а маленькая Зиночка Гвоздева казалась скорее жалкой, чем важной. Одета в нарядное платьице с открытой шейкой, с голыми ножками, она дрожала от утренней свежести и беспрестанно болезненно подергивала худенькими плечиками. Красноватые, как будто припухшие глаза ее не выносили яркого солнечного света – она то моргала ими, то щурила их. Скорая ходьба вдогонку за убежавшими мальчиками, видимо, утомляла ее – она останавливалась, отставала от гувернантки, и тогда та сердито толкала девочку или дергала за руку. Вообще гувернантка эта, едва осмеливавшаяся делать какое-нибудь замечание своим балованным воспитанникам, обращалась крайне грубо с бедной девочкой.

Один раз Зиночка, заглядевшись на работу садовника, пересаживавшего какое-то растение из одной клумбы в другую, ступила на сырую землю и запачкала свой нарядный серенький ботинок. Заметив это, гувернантка со всей силы дернула ее за руку и сердито заговорила с ней на каком-то непонятном Илюше языке. Зиночка закрыла лицо руками и горько заплакала. В эту минуту дверь комнат отворилась и на балконе показалась сама барыня.

– Что такое, что Зина опять плачет? – сердитым голосом проговорила она. – Зина, приди сюда!

Девочка с видимой неохотой подошла к матери, и Илюша вслед за ней прокрался к балкону.

– Зина, – строгим голосом проговорила барыня, – сколько раз говорила я тебе, чтобы ты не смела никогда плакать в саду. Ты, кажется, хочешь, чтобы все соседи видели твои капризы? А я этого вовсе не хочу! Пошла вон, я попрошу мадемуазель запереть тебя на целый день в классной комнате! Дрянная плакса!

Сердитая гувернантка потащила громко рыдавшую девочку в комнаты, а Илюша с этой минуты почувствовал необыкновенную жалость, даже нежность к бедной, обиженной Зиночке. Ему очень хотелось поговорить с ней, позабавить ее чем-нибудь, но он вскоре увидел, что это довольно трудно исполнить.

Дети всегда с удовольствием поглядывали, как садовник с Илюшей поливают сад. Как-то раз им вздумалось самим приняться за эту работу. Мальчикам тотчас же принесли хорошие маленькие лейки и приказали Илюше наполнять эти лейки водой из его большой лейки. У Зины не было лейки, она стояла посреди дорожки и с грустью поглядывала на забаву братьев.

– Жорж, дай мне немножко пополювать, – попросила она одного из братьев.

– Я сам хочу, лейка моя! – отвечал мальчик.

– Толя, дай мне твою лейку, на одну только минутку! – обратилась девочка к другому брату.

– Ишь, что выдумала, ободранная кошка! – закричал грубый мальчик. – Пошла прочь с дороги, а то я всю воду на тебя вылью. – И он замахнулся на нее лейкой.

Зина отошла прочь, и Илюша заметил на глазах ее слезы. Он быстро побежал в кухню, выпросил у тетки большой старый чайник, наполнил его водой и поднес Зиночке.

– На, поливай, – проговорил он.

Зина взяла чайник, и глазки ее заблестели от удовольствия.

– Пойдем, я тебе покажу, какие цветы надо полить, – продолжал Илюша, помогая девочке поддерживать тяжелый чайник.

Зина готова была идти за ним, но в ту минуту раздался голос Жоржа:

– Зина, ты зачем это с мальчишками разговариваешь? Постой-ка, я маме скажу!

Девочка отошла от Илюши, но слабые руки ее не могли удержать чайник в равновесии; он пошатнулся, и несколько капель воды пролилось на ее платье. Гувернантка тотчас заметила это, вырвала чайник из рук девочки, выплеснула воду на землю, а Зиночку усадила возле себя на скамейку. Илюша видел печальное лицо девочки, но подойти к ней не осмелился.

Через несколько дней после этого ему удалось оказать более важную услугу Зиночке. Сердитая гувернантка не ужилась у Гвоздевых и ушла от них. Недели две детям позволяли играть в саду одним, без присмотра старших. Зиночке от этого было еще хуже, чем от строгости гувернантки: братья постоянно обижали ее, они были гораздо сильнее ее, и она не могла от них защищаться; если же она жаловалась матери, та говорила, что она плакса, капризница, недотрога, и наказывала ее же, а мальчикам не делала даже замечания за их грубость. Раз утром Жорж вздумал играть в лошадки и запряг Зиночку. Девочка не любила бегать, она была слабого здоровья, и усиленное движение утомляло ее.

– Я не хочу, я устала! – пропищала она, пробежав одну аллею.

– Нет, ты должна! Папа ведь велел тебе вчера бегать и играть с нами... Я скажу папе, что ты его не слушаешься. Ну, беги же! Но-о! Пошла!

Зина пробежала еще немножко.

– Я не могу, я, право, не могу! – говорила она, задыхаясь.

– Не можешь? Так я же тебя!

Злой мальчик замахнулся прутом, заменявшим ему кнут, и со всей силы ударил по голый руке девочки. Зина вскрикнула от боли.

– Так тебе и надо, – не унимался Жорж. – Вот тебе и еще... – Он замахнулся во второй раз, но вдруг чья-то рука выхватила у него хлыст и он увидел перед собой Илюшу, с лицом, покрасневшим от гнева, со сверкающими глазами.

– Не смей ее трогать! – повелительным голосом проговорил маленький защитник Зины. – Если ты хоть пальцем ее тронешь, я тебя отдую этой палкой – он показал большую палку, которую держал в руке, – я ведь сильнее тебя!

Неожиданное вмешательство Илюши, его решительный тон и сердитое выражение лица до того поразили детей, что они совсем растерялись. Жорж, отчасти чувствовавший себя виноватым, отчасти испугавшийся палки своего противника, бросил вожжи, за которые

держал сестру, и убежал, ворча что-то себе под нос. Зиночка плакала и от боли, и от страха как перед своим притеснителем, так и перед защитником и поспешила спрятаться в беседку, чтобы мать не заметила ее слез и не наказала ее.

Никто из детей не считал удобным рассказать об этом происшествии старшим, но с этой минуты Жорж старался избегать Илюши и при нем не обращался больше так грубо с сестрой.

Илюше скоро надоело во время своих уединенных прогулок только смотреть и слушать. Вдоволь налюбовавшись пестрыми красками цветов, зеленью леса и травы, светлой водой речки, наслушавшись пения птиц и шума зеленых ветвей, он начал придумывать себе другие забавы: он срезал и обчищал от коры тросточки и хлыстики, устраивал себе удочки, бросал в цель мелкие камешки, делал на песчаном берегу речки стены и башни из песка и камней, рыл канавки, одним словом – придумывал все те игры, которые мальчики так любят.

Одна забава особенно понравилась ему. Он сколотил из палочек и щепочек плотик, который отлично держался на воде. Он накладывал на него бумажек, цветов, травы и пускал его плыть по течению реки, а сам шел по берегу и, когда хотел, с помощью большого шеста пригонял к себе свой кораблик. Раз, гуляя с матерью по берегу речки, маленькие Гвоздевы застали его за этой игрой. Она показалась им необыкновенно интересной, и Толя уже собирался обратиться к нему с требованием, чтобы он отдал им свой кораблик, но мать остановила его:

– Полно, Толечка, к чему тебе эта дрянь? – сказала она. – Завтра папа поедет в город, я попрошу его, чтобы он привез тебе хорошенький кораблик с парусами и матросами.

– И мне, мама, милая; пусть папа привезет два кораблика! – упрашивал Жорж.

– Хорошо, я ему скажу! Только, дети, с условием: вы должны играть осторожно и не подходить близко к воде.

Мальчики готовы были обещать все, что угодно, только бы получить желанную игрушку. Зиночка тоже хотела попросить кораблик, но при первом же ее слове мать так неласково посмотрела и так строго крикнула: «Говори громко! Держи голову прямо!» – что у бедной девочки не хватило духу выговорить свою просьбу.

«Вот ведь, наверное, ей ничего не купят, – рассуждал про себя Илюша, слышавший весь разговор матери с детьми. – Ну, постой же, пусть они играют своими корабликами, а я сделаю ей плотик такой хорошенький, что им завидно станет, и сам буду играть с ней».

Он тотчас же принялся за работу, и на другой день плотик был готов. Илюша украсил его флагом и бортами из тряпочек розового колленкора; плотик вышел прехорошенький и отлично держался на воде. Надобно было только дожждаться, когда дети придут на реку без матери: при барыне Илюша не решался подойти к Зине и предложить ей свой подарок.

Дня через три случай поблагоприятствовал ему. Дети пришли на берег речки под прищмотром горничной. Мальчики тотчас же занялись спусканием на воду своих новеньких корабликов; горничной было так трудно удерживать шалунов на берегу, что она не обращала на Зину никакого внимания. Девочка села на камешек в нескольких шагах от братьев, и о чем-то задумалась. В одну минуту Илюша был подле нее со своим подарком.

– На тебе плотик... хорошенький... он плавает лучше, чем их корабли. Возьми, я тебя научу, как спускать его на воду, я поиграю с тобой! – проговорил он.

Зина взяла в руки игрушку.

– Благодарю тебя, – сказала она недетски серьезным голосом, – только мне нельзя играть с тобой.

– Отчего нельзя? Нас никто не увидит, они заняты своими кораблями и не заметят... Пойдем! – настаивал Илюша.

– Нет, нельзя, – повторила Зиночка.

Глава IV

После привольной дачной жизни Илюше тяжелее прежнего показалось просиживать целые дни в душной кухне без всякого дела. Он стал часто выбегать на двор и за ворота на улицу. Скоро явились у него новые знакомые: сын кучера и два сына лавочника пригласили его играть с собой, и Илюша с большим удовольствием принял участие в их шумных играх. Вместе взлезали они на поленницы дров, а оттуда на плоскую крышу сарая, вместе перескакивали через тумбы, вместе мочили руки и ноги под водосточными трубами и дружно, без всякой злобы, дрались друг с другом раз по десяти в день.

Для здоровья Илюши все эти упражнения на свежем воздухе были, бесспорно, полезны, но зато одежде его они наносили существенный вред. Он возвращался домой перепачканный, на новых сапогах его через две недели явились дырки, старая ситцевая рубашка превратилась в лохмотья, а на панталоны Авдотье пришлось положить две огромные заплаты. Авдотья не бранила мальчика за небрежность, но всякий раз тяжело вздыхала при виде новых недостатков его костюма. Наконец, один раз, как он в драке потерял полрукава новенького пальто, только что купленного ему, она в ужасе всплеснула руками:

– Батюшки мои! Илюша, да что же это ты со мной делаешь! – воскликнула она. – Подумай ты только: откуда мне набраться на тебя одежды? Жалованья дают мне всего шесть рублей – говорят, с мальчиком больше нельзя, – из этого я и чаю, и кофе купи и себе, и тебе, себя одень, чтобы всегда в чистоте быть, и еще тебя!.. Господи, да как же мне быть-то!

Всегда добродушно-веселое лицо Авдотьи выражало при этих словах такую неподдельную скорбь, что Илюша был тронут. Разругай она его, приберей даже – и, наверное, это не помешало бы ему на следующий день опять и лазать, и драться, и пачкаться; но теперь он сразу почувствовал всю искренность и справедливость ее жалоб. Он не стал утешать ее ласками или обещаниями исправиться, но с этой минуты перестал участвовать в играх товарищей. Напрасно подзывали они его, напрасно старались соблазнить рассказами о том, что на соседнем дворе собирались уже «разбойники» и «казаки», напрасно задевали и словами, и пинками, чтобы вовлечь в драку, – Илюша оставался непреклонным.

– Не хочу я к вам, надоело! – отвечал он на все зазыванья товарищей.

– Надоело! А сидеть на одном месте не надоело? Пойдем! – приставали мальчики.

– Сказано, не пойду, и не пойду! – уже сердито говорил Илюша.

– Ишь ты! Поделом тебя волчком прозывают! Как есть волчонок! У, волчонок! Волк! Ату его!

Мальчики дразнили Илюшу, иногда даже целой гурьбой нападали на него, и ему не оставалось другого средства, как, раздав несколько здоровых тумаков направо и налево, искать спасения в бегстве.

Впрочем, это продолжалось недолго. Убедившись, что Илюша в самом деле не хочет больше знаться с ними, мальчики отстали от него, и он мог целыми часами спокойно просиживать на лавочке у ворот, с тайной завистью следя за их веселыми играми.

– Посмотрю я на тебя, мальчик ты уж не маленький, а целые дни шляешься без всякого дела, – раздалось один раз над самым ухом Илюши в ту минуту, когда он намеревался занять свое обыкновенное место у ворот.

Мальчик поднял голову и увидел подле себя дворника Архипа.

– Да что же мне делать-то, дядюшка Архип? – с недоумением спросил он.

– Эка! Про всякого человека есть работа, только про тебя не припасена. Мало ли дел-то! Вон, взял метелку да смел грязь с тротуара. Мне некогда – надо дрова таскать; а видишь – слякоть какая! На-ка, помети, спасибо скажу!

Илюша давно скучал без дела и потому охотно исполнил поручение Архипа.

Дворник рад был, что нашел себе услужливого помощника, и стал часто давать Илюше мелкие работы, а в награду за исполнение приглашал его по вечерам в дворницкую, играл ему на гармонике и пел песни. Илюше в дворницкой нравилось гораздо больше, чем в кухне. И Архип, и другой дворник, его помощник, никогда над ним не смеялись; они по большей части даже обращали на него мало внимания.

Когда Архип не пел и не играл на гармонике, они чинно и степенно разговаривали друг с другом о своих неприятностях и трудах или о жизни в деревне, из которой оба недавно приехали. Илюша, сидя в уголке, прислушивался к их разговору, иногда даже засыпал под мерный звук их голосов, и снились ему густые леса, желтеющие нивы, веселые, хотя полунатягие ребятишки...

– Слушай-ка ты, Илюша, – обратился раз утром Архип к мальчику, – недаром ты кухаркин племянник, в господском доме живешь: чай, лакейское дело хорошо знаешь?

– Нет, не знаю, – отвечал Илюша, – сапоги разве вычистить сумею да самовар поставить, а больше ничего.

– Ну, больше-то ничего и не надо! Видишь ты, у нас тут в квартиру № 26 новый жилец переехал, прислуги не держит, подрядил меня, чтобы я ему услуживал. У него и дела-то нет никакого, только комнату подмести, самовар поставить, да когда пошлет папирос или булок ему купить. Сходи-ка ты сегодня к нему замест меня; мне нельзя – хозяин посылает...

Это поручение Архипа было для Илюши тяжелее всех остальных. Все господа казались ему такими же строгими и важными, как та барыня, у которой он жил; идти услуживать барину представлялось ему чем-то страшным. Он готов был прямо отказаться, но Архип не дал выговорить ему ни слова и, снова повторив, какая работа требуется для жильца, толкнул его на лестницу к № 26.

Робкими, нетвердыми шагами вошел Илюша в маленькую квартирку, занимаемую Петром Степановичем Дубровиным.

– Это я замест Архипа служить пришел, – проговорил он на вопрос «кто там?», произнесенный резким голосом.

– Ну, коли так, так делай свое дело и не мешай! – проговорил тот же резкий голос.

Илюша огляделся вокруг, отыскивая обладателя этого голоса: ни в крошечной передней, ни в кухне, ни в первой, почти пустой комнате никого не было. Только войдя во вторую комнату, он увидел, что за большим письменным столом, заваленным горами книг и бумаг, сидит человек, одетый не то в пальто, не то в халат, и пишет что-то, нагнувшись так низко, что головы его почти не видно из-за книг. Он был так поглощен своим занятием, что, по видимому, не обращал никакого внимания на Илюшу.

Это ободрило мальчика. Впрочем, и вся-то квартира, в которую он попал, была такая бедная, скудно меблированная, что вовсе не напоминала пугавших его богатых комнат барыни. В кухне, кроме самовара, кофейника да котелка, и посуды не было; вся меблировка первой комнаты состояла из самого простого стола, старого дивана, трех-четырех стульев да книжных полок, занимавших целую стену. Во второй комнате стояли кровать с тощим матрасом, маленький комод, большой письменный стол да два сильно вытертых мягких кресла и – опять книжный шкаф. Книги валялись на окнах, на комод, на диване, лежали кучами на полу, даже под кроватью.

«Он, должно быть, торгует этими книгами, – заключил Илюша, – и совсем это не барин, не похож на барина», – продолжал думать он. Эта мысль окончательно ободрила мальчика, и он принялся исполнять работу, для которой был прислан: поставил самовар, вычистил сапоги, вымел пол, отыскал в маленьком кухонном шкафчике чайную посуду, поставил ее на столе в первой комнате, внес туда же закипевший самовар и по возможности смелым голосом произнес:

– Идите чай пить, самовар готов.

Три раза пришлось ему все громче и громче повторять эту фразу, пока пишущий услышал ее.

Чай он пил молча, рассеянно, видимо, занятый совсем другим, и по-прежнему не обращал никакого внимания на Илюшу, который исподтишка с любопытством наблюдал за ним.

С этих пор мальчик стал часто приходить услуживать Петру Степановичу; он аккуратно исполнял его нетрудные домашние работы, выполнял его мелкие поручения; оба они, казалось, были довольны друг другом, но ни разу не обменялись ни одним словом, кроме самых необходимых. Петр Степанович не знал даже, как зовут его маленького слугу, и называл его просто «мальчик», а Илюша продолжал считать его книжным торговцем.

Один раз, придя по обыкновению к Петру Степановичу, Илюша увидел у него в комнате новость – некрасивую, грязную дворняжку. Мальчик приласкал собаку, она обрадовалась этой ласке и стала неистово скакать около него, визжать, лизать ему руки и лицо. Пока Илюша ставил самовар, Петр Степанович позвал к себе собаку, и через несколько минут мальчик услышал жалобное визжание. Он подумал, что собака попала в беду, и пошел к ней на помощь. С собакой, действительно, делалось что-то неладное: она лежала на полу, судорожно подергивая лапами и хвостом, жалобно визжала и глядела потускневшими глазами.

– Что это с ней? Больна она? – спросил мальчик, с состраданием поглядывая на мучившееся животное.

– Оставь, не тронь, делай свое дело! – строгим голосом ответил Петр Степанович.

Он сидел около собаки, внимательно глядел на нее, иногда ощупывал ее, записывал что-то на бумажке, но, по-видимому, не делал никаких попыток помочь больному животному.

«Ишь, какой сердитый! Дал бы мне ее, я бы ее молоком или маслицем попоил, – может, ей и полегчало бы», – подумал Илюша и, не смея высказать вслух своих мыслей, пошел в кухню.

На другой день собака опять встретила мальчика веселая и здоровая, опять ласкалась к нему, играла с ним, а потом с ней опять повторился вчерашний припадок, только в еще более сильной степени. На третий день Илюше удалось узнать причину этих припадков: он увидел, что Петр Степанович приманил к себе собаку, влил ей в рот какой-то жидкости, и вскоре после этого бедное животное в мучительных судорогах повалилось на пол.

«Господи, злодей какой! – думалось мальчику. – Это он нарочно морит ее каким-то своим снадобьем... Ишь нашел себе забаву».

В этот день животное мучилось сильнее и дольше, чем в оба предыдущие. Илюша поторопился справиться всю свою работу у Петра Степановича и убежать прочь, чтобы не слышать стонов собаки. Но стоны эти преследовали его и на улице, и в дворницкой, и в кухне тетки. Везде слышался ему болезненный визг бедной ласковой собачки, виделся жалобный взгляд ее помутневших глаз, как будто просивших о помощи.

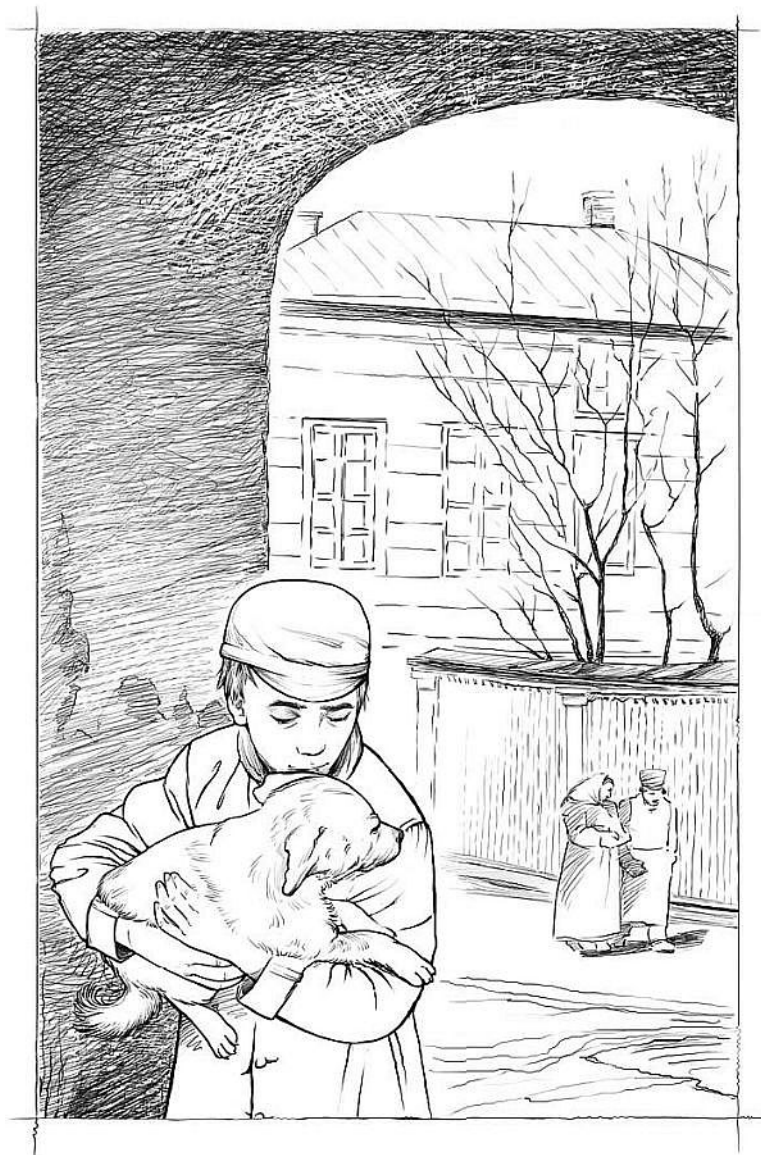
Наконец он не выдержал и, увидев, что Петр Степанович ушел со двора, оставив, по обыкновению, ключ от своей квартиры у дворника, он решился сходить посмотреть, что делается с собакой. Никем не замеченный, взял он ключ и тайком, точно вор, пробрался на квартиру Петра Степановича. В ней все было тихо.

«Ну, верно, совсем уморил, разбойник», – подумал Илюша, входя в комнаты. Но нет, собака была жива: припадок ее кончился, и она спала крепким, тяжелым сном.

«Вот, бедная, проспится, выздоровеет, а завтра он опять ее будет мучить, – думал Илюша, с состраданием поглядывая на спавшее животное. – А что коли взять да унести ее? На что она ему? Пусть бы забавлялся чем другим! Право, унесу! Что он мне сделает? Поколотит, может быть? Ну, да ведь не убьет же! А собаку жаль: такая она ласковая да игривая».

Мальчик попробовал разбудить собаку и дать ей просто убежать, но она спала болезненным сном и долго не могла проснуться, а когда наконец открыла глаза, то оказалась до того слабой, что совсем не могла держаться на ногах.

Надо было нести ее на руках. Нести довольно большую собаку так, чтобы никто на дворе не заметил этого, было довольно трудно, да и куда деть ее, пока она больна? С сильно бьющимся сердцем, пугливо озираясь по сторонам, вышел Илюша из квартиры Петра Степановича, держа на руках драгоценную ношу.

Илюша вышел, держа на руках драгоценную ношу.

Он не смел явиться с собакой ни в дворницкую, ни в кухню к тетке и решил запрятать ее в пустой чулан, на одной из черных лестниц. Чулан этот стоял незапертым, так как квартира, к которой он принадлежал, была пуста. Илюша отыскал на дворе несколько клочков соломы, уложил на нее собаку и стоял над ней, пока она опять заснула. Потом он отнес ключ от квартиры Петра Степановича в дворницкую, незаметно сунул его на то место, откуда взял, и отправился к тетке на кухню.

Но сердце его было беспокойно: во-первых, он сильно тревожился за свою больную, не зная, полезен или вреден ей сон, и беспрестанно бегал смотреть, жива ли она, не околе-

вает ли; во-вторых, он побаивался и сам за себя: в исчезновении собаки из квартиры Петра Степановича заподозрят, конечно, его и уж наверняка не похвалят. «Поколотят, известное дело, поколотят», – решил он в уме.

Проспавши часа два, собака проснулась. Она узнала Илюшу, стала ласкаться к нему и проситься вон из темного чулана. Мальчик достал у тетки хлеба и сначала покормил ее, с удовольствием глядя, как она хорошо ест и крепко держится на ногах. Оставлять собаку в чулане больше было нельзя: она визжала и скреблась в дверь. Просто выпустить ее на свободу мальчик боялся: она все еще не могла быстро бегать, Петр Степанович, пожалуй, опять поймает ее и начнет мучить.

Илюша решился сам завести собаку подальше от дома. С помощью хлеба мальчику удалось выманить ее за собой на улицу, и он пошел с ней, сам не зная куда, и шел таким образом, пока, совсем усталый, не очутился в незнакомой части города. Там он отдал собаке хлеб и, пока она с жадностью бросилась есть его, сам со всех ног побежал назад. Собака не последовала за ним: должно быть, длинное путешествие после болезни утомило ее, а он пробродил больше часу по разным улицам и закоулкам, пока нашел дорогу домой.

Только он вошел в ворота, как из дворницкой раздался сердитый голос Архипа:

– Илюшка, где это ты пропадал? Иди-ка сюда, негодный мальчишка!

«Узнали! Сейчас бить будут!» – мелькнуло в голове Илюши, и он медленно, неохотно, нахмутив брови и опустив голову, направился в дворницкую, куда его звали.

– Это ты выпустил собаку Петра Степановича? Говори сейчас же! – закричал на него Архип и, чтобы придать больше внушительности своим словам, схватил мальчика за волосы.

Илюша молчал. Ему не хотелось ни объяснять, ни оправдывать своего поступка, и он ждал неизбежного за него наказания.

– Да чего же ты не говоришь? Идол ты этакий! – горячился Архип. – Твое это дело, что ли? Ходил ты на квартиру барина без него?

– Ходил! – проговорил наконец Илюша.

– Ах ты!.. – Архип замахнулся и готовился знатно проучить мальчишку за шалость, но вдруг кто-то остановил его руку.

– Перестаньте, – проговорил знакомый Илюше голос, – оставьте мальчика. Я сам поговорю с ним.

– Чего с ним, сударь, говорить? – отозвался Архип, выпуская, однако, волосы Илюши из своих рук. – Его просто выдрать следует, да и все тут!

Освободясь от тяжелой руки Архипа, Илюша, не доверяя своим ушам, посмотрел на своего заступника. Да, точно, это был Петр Степанович.

– Послушай-ка, мальчик, – спросил он не сердитым, но очень серьезным голосом, – ты зачем ходил без меня ко мне в комнату?

– За собакой! – процедил сквозь зубы Илюша.

– Зачем же тебе понадобилась моя собака? – удивился Петр Степанович. – Поиграть ты с ней, что ли, хотел или продал ее кому-нибудь? Что же ты молчишь?

Илюше вдруг вспомнилось, как мучилась бедная собака, и он почувствовал злобу к ее мучителю.

– Никому я ее не продавал, – заговорил он вдруг сердито, – а жалко мне ее было, вот что! Вы зачем ее морили? Что она вам сделала?

– Вот оно что! – воскликнул Петр Степанович. – Ишь, какой жалостливый! А ты разве думаешь, я это так, для потехи ее мучил? Нет, друг любезный! Я, видишь ли, учусь людей лечить; для этого надо разные снадобья попробовать, что от них делается. На человеке попробовать жалко, а собаку хоть и жалко, да все же меньше. Понимаешь? Ты видал ли, как люди болеют и умирают от болезней?

– Видал.

– Ну, то-то же! А кабы их хорошо лечили, они, может быть, поболели бы, да и выздоровели. Вот я собак помучаю, а зато потом людям добро сделаю, понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво произнес Илюша.

Слова Петра Степановича так поразили его, возбудили в нем столько мыслей, что он забыл даже радоваться своему избавлению от ожидаемого наказания.

«Ишь, чудеса, – думалось мальчику, – собак морят, чтобы людей лечить! Да неужели же нутро у собаки такое, как у человека? Говорит, кабы хорошо лечили, выздоровели бы, и отец бы выздоровел, не умер. Эх, верно, тот доктор, что лечил отца, мало собак загубил: не помогло его снадобье!»

Несколько дней Архип, боясь новой шалости мальчишки, не пускал Илью к Петру Степановичу, но потом забыл его вину и, не успевая справляться со всеми своими работами, опять послал его прислуживать жильцу. На этот раз собак в квартире не было. Петр Степанович сидел, по обыкновению, за книгой. Долго не решался Илюша заговорить с барином, но наконец, подав ему чай, собрался с духом и предложил давно мучивший его вопрос:

– А что, много надо загубить собак, чтобы вылечить одного человека?

Петр Степанович в эту минуту совсем забыл и историю с собакой, да, пожалуй, и самого Илюшу. При таком неожиданном вопросе он посмотрел на мальчика с удивлением, даже с испугом, и, вдруг вспомнив все, громко расхохотался. Этот смех очень обидел Илюшу.

Он несколько секунд смотрел на развеселившегося барина и, махнув рукой, нахмуясь вышел вон из комнаты.

Петр Степанович понял, что напрасно оскорбил мальчика. Он позвал его к себе и стал ласково разговаривать с ним; объяснил ему, что, кто хочет уметь лечить, тот должен не только губить собак, но многому учиться, многое читать, что многие лекарства уже известны и их не нужно пробовать на собаках, и тому подобное. Илюша слушал его объяснения с напряженным вниманием и видимым удовольствием.

С этих пор отношения между Петром Степановичем и Илюшей несколько изменились: Илюша стал меньше прежнего дичиться барина и решался иногда заговаривать с ним, а Петр Степанович обращал больше внимания на своего маленького слугу, подробно и обстоятельно отвечал на его вопросы, расспрашивал о его жизни, угощал его чаем, дарил ему мелкие монеты.

Глава V

С тех пор как Илюша стал помогать дворнику и услуживать Петру Степановичу, он меньше прежнего сидел у тетки на кухне; но это не мешало ему знать все кухонные дела. Он видел и слышал, как часто барыня бранила лакеев, горничных и в особенности его тетку. Барин возвращался домой также по большей части сердитый, кричал не только на прислугу и на детей, но даже на жену; один раз дошел до того, что ударил лакея и за какое-то некстати сказанное слово вытолкал Жоржа из комнаты.

– Эх они бесятся, точно белены объелись! – говорили про господ на кухне.

Дело в том, что Гвоздевы непременно хотели жить так, как самые богатые из их знакомых, и тратили гораздо больше денег, чем получали. Им приходилось делать долги; но пока находились люди, которые верили им и охотно ссужали их деньгами, они не горевали и продолжали свою веселую, беспечную жизнь. Теперь настало время расплаты. Многие кредиторы довольно нелюбезно требовали возвращения своих денег; другие соглашались на отсрочку, но под довольно тяжелыми условиями.

Господин Гвоздев кричал, сердился, упрекал жену в нерасчетливости, в мотовстве и решил наконец, что следует изменить образ жизни. Решение это не мешало ему, однако, нанимать дорогую квартиру и задавать роскошные пиры знакомым, а жене его закупать множество нарядов себе и детям; оно коснулось только разных мелочей хозяйства. Каждый разбитый стакан, разорвавшийся в стирке платок поднимали в доме целую бурю. Барин обвинял лакеев в том, что они пьют его вино и курят его сигары; барыня кричала, что у нее крадут чай и сахар, что на стирку белья уходит слишком много мыла, считала огарки свечей и тому подобное.

Всех больше доставалось Авдотье: барыня давала на обед вдвое меньше денег, чем прежде, а требовала, чтобы все готовилось так же хорошо, и, сама не зная цены разных припасов, беспрестанно подозревала кухарку в обмане и в воровстве. Отдав ей отчет в сделанных покупках, Авдотья почти всегда возвращалась в кухню вся в слезах.

– Господи, что за жизнь проклятая! – говорила она. – Весь свой век прожила честно, ни в каком деле не замечена, а тут – чуть не каждый день воровкой называют!

– И охота это вам терпеть! – отзывалась новая, только что поступившая горничная. – Да я бы дня не прожила здесь после такой обиды. Слава Богу, место найти можно!

– Да неужели я бы стала терпеть, кабы была одна, – возражала Авдотья, – меня мальчишка связал, из-за него я только и терплю!

Горько, очень горько было Илюше слышать эти слова. Мало того, что он лишний, никому не нужный ребенок, – им тяготятся, он мешает тетке хорошо устроиться, из-за него она должна выносить неприятности и обиды!

– Тетя, да ты бы ушла отсюда, искала другого места без меня, я уж как-нибудь проживу!

– Дурачок ты, дурачок, – вздыхала Авдотья, – как тебе прожить! Нет, уж потерплю, что делать!

– А вы бы его в ученье куда пристроили, – посоветовал один из лакеев, – он мальчик не маленький, пора ему за работу приниматься... У меня есть знакомый портной, можно попросить: он, пожалуй, возьмет его лет на семь, на восемь без платы.

Мысль отдать Илюшу в ученье очень понравилась Авдотье. И мальчик будет пристроен, да и она освободится от большой обузы. Благодаря стараниям услужливого лакея, дело сладилось скоро. Дней через десять Илюша уже очутился в новой обстановке – в мастерской Карла Ивановича Винда.

Мальчик с большой радостью принял эту перемену в своей жизни: наконец-то он станет работать, учиться и, когда выучится, уже не будет в тягость тетке, сумеет сам себе зарабатывать на хлеб. Впрочем, это радостное чувство продолжалось недолго: Илюша еще живо помнил бедную жизнь в подвале; с отцом и с теткой жилось ему не очень весело, но, проведя один день в мастерской Винда, он чувствовал, что здесь ему будет так худо, как никогда не бывало прежде.

Мастерская и магазин Карла Ивановича помещались на одной из многолюдных, тесных улиц города. Она не отличалась богатой обстановкой, но благодаря аккуратности хозяйина работ у него было всегда множество. Сам Карл Иванович все время проводил в магазине: принимал заказчиков, снимал с них мерки, выбирал материю; кройкой же и шитьем занимался его подмастерье Федор с помощью взрослого работника и двух мальчиков лет четырнадцати-пятнадцати. Работы у этого подмастерья было по горло, так как Карл Иванович скупился нанять лишнего человека; за всякую небрежность в кройке или шитье отвечал перед хозяином он, и потому неудивительно, что он был крайне строг и требователен к своим помощникам. Взрослые рабочие обыкновенно не жили в мастерской подолгу и старались найти себе место хоть с меньшим жалованьем, да зато не такое трудное, а мальчики уйти не могли и принуждены были работать не по силам.

Увидев Илюшу, Федор, или Федор Семенович, как почтительно называли его мальчишки, сильно нахмурился.

– Набирают мелюзгу, возись тут с ней, – проговорил он. – Сенька, – обратился он громко к мальчику лет четырнадцати, высокому, худому, с короткими торчащими рыжими волосами. – Ты у меня теперь ни с места: на посылках будет *он* служить! Ну, ты, мальчуган, – он притянул к себе Илюшу и погрозил ему кулаком, – знай, что я шутить не люблю. Слушай в оба, что тебе говорят, и поворачивайся живей! Понимаешь? Пошел в кухню, принеси горячий утюг! Проворнее!

Илюша не сразу добрался до плиты, около которой суежилась хозяйка, толстая краснощекая немка, не сразу сообразил, как тащить тяжелый раскаленный утюг, не обжигая себе рук, и за медлительное исполнение поручения получил от Федора Семеновича очень чувствительный удар в спину.

Для мальчика началась мучительная жизнь без определенного дела, но с обязанностью каждую минуту исполнять чье-нибудь поручение, – исполнять как можно аккуратнее и проворнее. Хозяин заставлял его убирать магазин и мастерскую, топить печи, носить за заказчиками узлы с их вещами; хозяйка посылала его в лавочку, поручала ему мыть и чистить посуду, иногда даже нянчить своего крикливого годовалого сынишку; в мастерской от него ежеминутно требовали какой-нибудь услуги. Часто ему давали несколько поручений за раз; каждый торопил его, каждый бранил за медлительность.

Хозяин никогда не бил мальчиков, но заслушание и леность накладывал на них наказания, которые часто были для них тяжелее побоев: он оставлял их без обеда, без ужина, а иногда и на целый день без всякой еды, или в праздники не отпускал их со двора и задавал им какую-нибудь особенную работу – мыть полы, двери, окна или какое-нибудь белье, распарывать старое платье, отданное в переделку, и так далее.

Хозяйка, наоборот, не скупилась на пощечины и подзатыльники; она плохо говорила по-русски и предпочитала объясняться не языком, а руками. Федор Семенович также частенько бил мальчиков, но еще чаще наводил на них страх своим свирепым видом и своими угрозами: «Я тебя проучу!.. Я тебе задам!.. Я тебе покажу, как по сторонам глазеть!»

До прихода Илюши два других мальчика исполняли поочередно его обязанность, но Федор Семенович был очень рад, что можно присадить их за иглу, не давая им терять время на беготню. Илюша, конечно, ничему не учился, но его помощь была очень полезна остальным, так как благодаря ей они могли шить, не отрываясь.

– Эк тебя загоняли! Погоди, то ли еще будет! – заметил рыжий мальчик, когда Илюша вечером в первый день жизни в мастерской сидел на своем тощем матрасике, ошеломленный всеми окриками, упреками, пинками, полученными за день.

– Да, уж принесло его к нам! – воскликнул старший мальчик. – И ему-то хорошего мало будет, а нам и того хуже! Бывало, хоть пробежишь туда-сюда, ноги поразомнешь, а теперь сиди целый день за иглой. Федька духу не даст перевести! Я сегодня посмотрел только в окно, чего там голуби расшумелись, так он так огрел меня аршином³, что беда.

– Эх вы, други любезные, чего заныли? – раздался голос второго подмастерья, спавшего в одной комнате с мальчиками. – Развеселить разве вас! Поднести по рюмочке? У меня сегодня косушечка припасена и селедочка есть на закуску. Идите, что ли?

Старший мальчик, уже начавший укладываться спать, быстро подбежал к нему.

– Угости, брат Вася, – попросил он. – В воскресенье пойду к матери, принесу тебе гривенник⁴ либо два.

– Ну, ладно, пей.

Мастеровой налил водки в маленький стаканчик и поднес ее мальчику, который выпил ее сразу, едва поморщась: видно, дело было для него привычное.

– Эх, важно, – крикнул он. – Вот и на душе веселее стало, и Федьки не боюсь.

– А вы? – обратился мастеровой к другим двум мальчикам. – Идите, и вам налью.

Рыжий мальчик неохотно поднялся со своего места.

– Голова от нее болит, тяжело как-то! – заметил он, но все-таки протянул руку к стаканчику.

Илюша отказался пить. Не раз слышал он на своем веку, что от водки бывает много горя, а ему и без того горя было довольно. Впрочем, его не особенно и уговаривали.

– Мал еще он, – заметил мастеровой, – не стоит на него добро переводить. Только вот что, как тебя, Илюша, что ли? – прибавил он. – Если ты хоть слово скажешь о наших делах хозяину или Федьке, смотри – тебе живому не остаться, так и знай!

И без этой угрозы Илюша не стал бы доносить на товарищей; она только усилила страх, который внушали ему все в мастерской. «Я думал, он добрый, – размышлял мальчик, поглядывая на мастерового, лицо которого приняло веселое, добродушное выражение, – а он прямо убить хочет... Разбойники они все здесь».

И долго не мог уснуть Илюша под гнетом тяжелых мыслей, а около него раздавался с одной стороны храп рыжего мальчика, быстро заснувшего после водки, с другой – пьяные разговоры двух других рабочих.

Илюша стал с нетерпением ждать воскресенья: он пойдет к тетке, он расскажет ей, как плохо жить в мастерской, как его бьют, бранят, а шить совсем не учат; она – добрая, она его пожалеет и, может быть, согласится взять отсюда и отдать какому-нибудь другому мастеру: ведь не везде же так дурно!.. Эта надежда поддерживала мальчика, и он даже не испугался, когда в пятницу хозяин сказал ему:

– На столе пыль не вытерта. Вторник не вытерта, сегодня не вытерта, за это – большое наказание! Это ленивый свинья!

Но каково же было его горе, когда в воскресенье утром хозяин подозвал его и объявил ему:

– Ты со двора не пойдешь: вторник пыль на столе, пятница пыль на столе, ты наказан! Надо порядку учиться; возьми тряпку и вымой чисто все, а потом мадам на кухне помогай.

И Илюша должен был, глотая слезы, мыть все двери в квартире, а Карл Иванович беспрестанно подходил к нему и замечал:

³ *Аршин* – здесь: деревянная портновская мерка; линейка длиной в аршин – 0,71 м.

⁴ *Гривенник* – разменная монета достоинством в 10 копеек.

– Нечисто, нечисто; ты – свинья, порядка не знаешь, надо чисто делать!

Когда, наконец, двери были достаточно хорошо вымыты, хозяйка позвала его в кухню и там до самого обеда не удалось ему отдохнуть ни на минуту. Зато когда после обеда хозяева, взяв с собой и ребенка своего, ушли в гости и заперли его одного в квартире, – ему было время и отдохнуть, и погоревать.

Еще неделя, целая неделя такой жизни... О, как это ужасно! Неделя, а может быть, и больше! Опять провинится он в чем-нибудь, и опять его накажут!.. И как это другие мальчики могут жить здесь?! Ну, да, впрочем, и хороши же они! Андрею еще нет шестнадцати лет, а какой он пьяница; а Сашка, совсем больной, говорит: надо пить, не выпьешь – грудь и спину ломит, всю ночь не заснуть, тяжело... Наверное, тетка не захочет, чтобы он таким же стал...

Невыносимо долго тянулся этот день для Илюши. И скучно ему было, и грустно, и обидно, что его заперли, точно в тюрьме...

Хозяева вернулись часу в девятом, а вслед за ними явились и оба мальчика, и младший подмастерье: одному Федору Семеновичу позволялось уходить в субботу вечером и возвращаться в понедельник утром.

С приходом рабочих мастерская оживилась; отдохнув день, они пришли бодрые, веселые. Главного преследователя их, Федора, не было дома; хозяин никогда не заглядывал по вечерам в мастерскую, они чувствовали себя в безопасности, и это увеличивало их хорошее расположение духа. Мальчики дали Василию денег, а он принес с собой водки, разных закусок. Илюша чувствовал сильный голод. По воскресеньям рабочим не готовилось ужина; за обедом ему пришлось довольствоваться весьма скудными обедами хозяев, и потому он с жадностью поглядывал на ломти хлеба и закуски, расставленные Василием на столе. Товарищи его начали угощаться с видимым удовольствием, а он долго крепился, но наконец не выдержал:

– Дайте мне кусочек хлеба с колбасой, – попросил он.

– Ишь ты, – заметил старший мальчик, – не хотел с нами пить и есть, а теперь, небось, просит!

– Не тронь его, Андрюша, – остановил Василий, – он мальчик хороший. Иди ко мне сюда, Илюша, я тебе всего дам, иди ко мне, – пей, ешь, веселись!

Илюша с наслаждением съел большой ломоть хлеба с колбасой и не отказался запить его несколькими глотками водки.

– Ну, вот и молодец! – воскликнул Василий, похлопывая его по плечу. – Только знаешь, что я тебе скажу, милый ты человек? Еда – вещь хорошая, и выпить при случае – недурно, а понимаешь ли ты, что на это деньги нужны? Вон они, – он указал на двух других мальчиков, – как у них заведется гривенник ли, двугривенный ли, так тащат ко мне, я их угощаю, и всем нам хорошо... А ты как думаешь?

– У меня нет денег, – сумрачно отвечал Илюша.

– Нет? Ну, что ж? Нет денег, так надо за ум взяться, а то совсем пропадешь! Вот ты, к примеру сказать, убираешь магазин, мастерскую; валяются на полу иголки, пуговицы, всякие обрезки, – ты их либо выбрасываешь, либо Федьке на стол подкладываешь. А ты не будь глуп, носи их ко мне, так я из них деньги сделаю, да тебя же и потешу когда водочкой... Ладно, что ли?

– Ладно, – проговорил Илюша, у которого от выпитой водки мысли в голове путались.

На другой день Василий напомнил ему о договоре, заключенном накануне, и мальчик, не подозревая в этом ничего дурного, постарался аккуратно исполнить его. Он выбрал из сора все иголки, булавки, пуговицы, обрезки материй и вечером вручил их своему новому приятелю, который похвалил его и угостил горстью подсолнечных семян.

Вторая неделя жизни в мастерской была для Илюши еще тяжелее первой. Вымывая посуду, он нечаянно разбил чашку, и за это хозяйка пребольно побила его;

торопясь подавать Федору Семеновичу горячий утюг, он обжег себе руку так, что на ней вскочил огромный пузырь; хозяин дважды оставил его без обеда и раз без ужина; он постоянно чувствовал себя и усталым, и голодным, и каким-то одуревшим от постоянного страха побоев, наказаний.

Одно было утешение – вечером посидеть с вечно веселым балагуром Василием да поесть с ним чего-нибудь; но и это плохо удавалось: с половины недели Василий приносил одну водку, а еды не давал.

– Денег нет, братцы, покупать не на что, – объяснял он детям, – свои все пропил да проел, вы мало даете... вон Илюшка по иголочке в день приносит да хочет, чтобы я его за это ужинами угощал...

Мальчики смеялись, Илюша испугался и на другой день еще тщательнее осматривал пол мастерской и магазина, надеясь найти побольше вещей. Наконец, в субботу утром желание его исполнилось: подметая пол мастерской, в которой накануне вечером хозяин что-то долго кроил, он нашел под столом довольно большой обрезок синего бархата. Он с удовольствием сунул его в карман и мечтал, как передаст его вечером Василию.

Работа в мастерской шла своим порядком. Илюшу послали в лавку за шелком, и он постарался как можно скорей вернуться домой: ведь сегодня суббота, хозяин ни разу не стращал его большим наказанием, – значит, завтра он пойдет домой и, может быть, не вернется больше сюда. Когда он возвратился из лавки в мастерскую, там стоял хозяин и о чем-то сильно горячился.

– Очень мне нужно, – грубо возражал ему Федор Семенович, – не видал я вашей дряни! Должно быть, мальчишки стащили, и все тут!

– Я, ей-Богу, не брал, Карл Иванович, – слезливым, испуганным голосом уверял Сашка.

– Я и не видал, какой такой бархат! – говорил Андрюша.

– Чего их слушать, обыскать их, вот и все тут! – сурово заметил Федор Семенович.

– Да, да, искать, надо искать, – подтвердил Карл Иванович.

Илюша стоял всех ближе к нему. Не дав мальчику опомниться, хозяин быстро запустил руку в его карман и – вытащил оттуда злополучный кусок бархата.

– Что я говорил... – мрачно усмехнулся Федор Семенович.

– Это ты украл мой бархат? Это ты вор? – приступал Карл Иванович к мальчику, совершенно растерявшемуся от этого неожиданного происшествия. – Я добрый человек, я тебя учил, я тебя никогда не бил, а это дурное дело! Фуй, какое дурное! Я буду посылать за твоей тетенькой и при ней буду наказывать тебя, хорошо наказывать, розгами! Фуй, мошенник, вор... Я буду тебя больно сечь, и ты будешь последний человек у меня... Фуй, негодный мальчишка, сейчас буду посылать за тетенькой!..

И он вышел из мастерской, а Илюша стоял неподвижно на месте с опущенной головой, как-то плохо понимая, что с ним случилось.

– Илюшь! Илюшь! – раздался из кухни голос хозяйки.

Мальчик машинально пошел на этот привычный зов.

– Илюшь, вот пять копек, скорей молоко Карлуш... скорей... плачет... скорей.

Она всунула в руку мальчика пятак и, по своему обыкновению, выпроводила его за дверь толчком, чтобы заставить скорее исполнить свое поручение.

Только очутившись на улице, на свежем воздухе, мальчик очнулся и вполне понял все, что произошло в последние минуты.

Боже мой! Что же это такое? Он украл, хозяин посылает за его теткой; она придет, ей скажут, что он вор; она будет плакать, будет упрекать его, а хозяин при ней станет сечь его больно, должно быть, страшно больно сечь, и все называть воров и мошенником! А потом,

как же он будет жить потом? Тетка не поверит, что ему было худо в мастерской, рассердится, не возьмет его... И каково будет ему, когда Карл Иванович станет обращаться с ним, как с последним человеком, – еще хуже, чем теперь!.. Проклятый бархат! И зачем прямо не спросили у него? Он сразу бы отдал. Разве он хотел красть? Господи!.. Тетка!.. Розги!.. Вор!.. И неужели нельзя спастись, сделать так, как будто ничего не было!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.